

Наталья Изотова

Ахматова в профиль

Домашнее

С рожденья тут живу. А вон театр,
Открыты форточки, гудят распевки.
Я измеряю талии обхват.
Полуобхват одну вторую мерки
Записываю в нотную тетрадь,
Её тельняшка соль такую стерпит.
Мне шить по этим нотам что играть
Сонаты Талии, а не Эвтерпе.

Начало веселейшей из наук:
Уток игры, где ритм нить основы,
И ошупью мир пробовать на звук,
Так выведав, что рифма старше слова,
Встать на пуанты крепкие её,
Знать: нараспев сложенье — как служенье.
Нить золотая, гладкое шитьё.
Умолкший лебедь. Новое рожденье.

* * *

Я печатаю письменный рапорт
Миллиметрами кожи,
Я стихи прекратила царапать —
Набираю их тоже.

Чёрной речкою их начертали,
Как мерцающий контур,
Кровоток не кружит по спирали —
Льёт по линии фронта.

Мою жизнь постигает фронтально
Твой искусственный разум,
И теперь наша общая тайна —
Мои вены под глазом:

На стекле телеграмного чата
Телефонного смарта —
Указательный мой отпечаток,
Как почтовая марка.

Изотова Наталья Юрьевна — поэт. Родилась в 1980 году в Донецке. Окончила Литературный институт им.А.М.Горького. Работает конструктором-портным. Стихи публиковались в журналах «Октябрь», «Звезда». Живет в Донецке.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 9.

* * *

Идёшь по едва освещённому снегу ночному
к строению старому, сто двадцать пятому дому.
Живущий в начале столетия двадцать второго,
навстречу мне движешься. Здесь я, жива и здорова.
А сможешь ли ты рассмотреть в непроглядье морозном,
насколько лицо моё в эту минуту серьёзно?
Когда надевала перчатки и снова снимала,
а время к рукам прилипало комками крахмала,
в уме рисовалась... ты знаешь какая картина?
Ахматова в профиль, не знающая карантина
начала двадцатых годов двадцать первого века,
но всё же в перчатках, и тени шептали: «Аптека».
Нам выпали кости иной эстетической масти,
фонят на асфальте столбы фонарей из пластмассы,
улыбки в руке, колобки подстекольные жолты.
Вся жизнь впереди, ты идёшь и идёшь, куда шёл ты.

* * *

Капустницы на тихих крыльях
Несут горошины графита;
Игра нектара, изобилье
Течёт по хоботкам завитым,
В меня впадая внутривенно:
Так с лёту посвящают в дело
Добычи чудного мгновенья.
Я платья вырастила телом
Из серой карандашной точки,
Их сложный крой и цвет неброский,
Они капустные листочки
В шкафу глубокой заморозки.

* * *

Прозябать комфортнее на юге
в старом доме окнами на север.
В обрамлении глухой фрамуги —
проводов оборванное «Never...».
Ничего зловещего в природе:
мещанин снежок и дождь-филистер
в её кротком, тихом обиходе.
Живописцы, окуните кисти.
В темноте огни всё ярче, гляньте,
ясный взор — источник возгораний.
Утром цепь разомкнута в гирлянде,
включены соцветия герани
(лепестки зажгла, светодиоды,
#всюдужизнь, наука прикладная).
Неужели отстаю от моды,
колесо своё изобретая?

* * *

Берёзовый сок в промежутках древесных волокон,
Стремительный ток в проводах моего оверлока
По белым стволам разбегаются и за пределы,
И строчки, как ветки, растут из машинного тела.

Берёзы льют свет по системе запутанных трубок,
А я постигаю гармонию конусных юбок.
В них сила окружности, в них высота террикона,
В них спрячешь полцарства и высидишь яйца дракона.

Когда утомится металл и утихнут катрены,
Увидишь из парковой зоны уснувшей «Арены»:
Незримо ступая по тверди, что кажется плоской,
Плывут терриконы, как девы ансамбля «Берёзка».

* * *

Анамнез краток: Жанна д'Арк
в тебе искрит; вороний *каррк!* —
твой голос — выпал изо рта;
дрова для твоего костра —
соринки из твоих же глаз.
На том и сказ.
А вспыхнет речь, так ты не хнычь,
учись, как завещал Ильич;
горит эмалевым огнём
значок и человек на нём,
о ком узнаешь: он не прав,
но о другом поёт Пиаф,
и разгорается к стыдам
её *падам, падам, падам.*
Давай зачётку, тра-та-та,
хоть жизнь ещё не обжита,
пора уже (тяни билет!)
стать вундеркиндом в сорок лет.